

А. И. АЛИЕВА
(Москва)

ДВУЯЗЫЧНАЯ АКАДЕМИЧЕСКАЯ СЕРИЯ «ЭПОС НАРОДОВ СССР»

В настоящее время в российской фольклористике происходит смена научной парадигмы. Меняются способы конструирования предмета фольклористического исследования и сам подход к выбору принципов и методов исследования, в частности — текстологии фольклора. Серьезным подспорьем в решении этих задач может стать изучение уже накопленного отечественной наукой о фольклоре текстологического опыта.

Цель данной статьи — проследить становление и развитие в 1960—1990-е годы текстологии эпоса народов СССР на материале 26 книг двуязычной академической серии «Эпос народов СССР».

Текстология устной народной поэзии в российской науке возникла и развивалась в процессе записи и публикаций произведений фольклора разных народов страны уже с начала XIX века. Теоретическое осмысление накопленного опыта и первые его обобщения начинаются в 60-е годы XX века преимущественно на материале русской литературы [Лихачев 1962; 1964; Основы текстологии 1962; Берков 1963; Прохоров 1965] и русского фольклора [Пропп 1956; Чистов 1963; Путилов 1961; 1963 и др. работы].

В эти же годы возникает необходимость анализа текстологического опыта, полученного в процессе полуторавекового собирания, издания и исследования фольклора разных народов страны, дальнейшей разработки и совершенствования на его основе текстологической методике. Это было вызвано тем, что в середине 1950-х и особенно в 1960-е годы во всесоюзной фольклористике благодаря усилиям ученых-специалистов и культурной обще-

ственности, поддержанным и партийным руководством страны, и Президиумом АН СССР, развернулось и стало одним из главных направлений крупномасштабное и координированное изучение эпического наследия. Оно включало освобождение «из зиндана» эпосов, подвергшихся в 40-е годы XX века (вместе с исследователями) идеологическому преследованию и даже остракизму. Это движение возглавили В. В. Виноградов, В. М. Жирмунский, И. А. Орбели, М. Ф. Рыльский, А. П. Окладников, В. И. Чичеров, В. И. Абаев, М. Я. Чиковани, Б. М. Юнусалиев, Х. Т. Зарифов, Н. С. Смирнова, его поддержали многие ученые страны, занимавшиеся изучением фольклора.

Начало решительным переменам в подходе к собиранию, публикации и изучению уникального эпического наследия, бытующего на территории Советского Союза, положило обсуждение проблем киргизского героического эпоса «Манас». В июне 1952 года отделение литературы и языка АН СССР и президиум Киргизского филиала АН СССР провели в г. Фрунзе (ныне Бишкек) научную конференцию, посвященную этому грандиозному памятнику. Одним из самых важных было решение «о создании в системе Академии наук СССР единого научного центра по изучению народного творчества» [Конференция «Манас» 1952, 69].

Вскоре «проблема “Эпос народов СССР” была утверждена Президиумом АН СССР как координационная; руководство этой работой было возложено на Институт мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР» [Чичеров 1958, 50], и в ИМЛИ началась систематическая работа по консолидации сил фольклористов страны.

14—18 июня 1954 года в Москве состоялось Всесоюзное совещание по вопросам изучения эпоса народов СССР, организованное ИМЛИ и Институтом востоковедения АН СССР¹, на котором были определены важнейшие исследовательские

¹ Подробный отчет о нем см.: [Совещание 1958].

задачи на ближайшее будущее, в частности, проведение научных конференций, посвященных эпосу славянских народов, киргизскому, узбекскому, нартскому эпосу. В 1956 году ИМЛИ совместно с Академией наук Узбекской ССР провел в Ташкенте конференцию, посвященную эпосу «Алпамыш»², а в 1957 году — в г. Орджоникидзе (совместно с Северо-Осетинским научно-исследовательским институтом) — конференцию, посвященную эпосу «Нарты» (См.: [Нартский эпос 1957]).

В конце 1957 года была принята новая программа работы сектора народнопоэтического творчества ИМЛИ, который до того времени занимался главным образом проблемами русского фольклора. На этот сектор «теперь были возложены задачи исследования фольклора народов Советского Союза с учетом того, что изучение русского фольклора должно быть сосредоточено главным образом в ИРЛИ АН СССР (Пушкинский дом) [Петросян 1958, 177].

В 1958 году «на правах рукописи» увидело свет издание «Об основных принципах собирания и научной публикации эпоса народов СССР». Это были тезисы к совещанию, назначенному на 20 ноября 1958 года в ИМЛИ для выработки единой инструкции по данному вопросу, подготовленные под эгидой научного совета по фольклору АН СССР под руководством академика И. А. Орбели. В них были сформулированы важнейшие задачи, стоявшие перед советскими эпосоведами: «Собирание, тщательная запись текстов произведений устного эпического творчества является первейшей и важнейшей ступенью развития научной работы о народном эпосе. Эту работу следует всемерно активизировать, причем необходимо вести запись на магнитофон в условиях, максимально приближающихся к нормальному для сказителя публичному исполнению» [Основные принципы 1958, 5]. Специально подчеркивается, что «необходимо во всех центрах, национальных республиках организовать фольклорные архивы, функционирующие на правах рукописной библиотеки» [Там же, 6], а на основе собранных в них материалов готовить научные издания эпических памятников: «Не отрицая большого культурного значения массовых изданий популярного характера, следует указать на необходимость подготовки полных и

² См.: [Совещание «Алпамыш» 1956]. Основные доклады, прочитанные на этом совещании были опубликованы в 1959 году [Материалы «Алпамыш» 1959].

точных научных академических изданий лучших эпических произведений всех народов СССР», которые должны быть «итогом научно-исследовательской работы по отбору текстов. <...> Академическое издание должно воспроизводить хорошо записанный, по возможности полный вариант выдающегося народного певца без произвольных сокращений, пропусков и изменений в языковой форме подлинника. <...> Разночтения других вариантов, в особенности других сказительских школ, было бы крайне полезно изложить в комментарии к академическому изданию данного эпоса. Здесь в качестве приложения могут быть даны также параллельные места или дополнительные эпизоды в исполнении других сказителей в характерной для них манере.

Академическое издание сопровождается вступительной статьей, комментариями и примечаниями. Вступительная статья должна дать краткую и точную характеристику исторического и идейно-художественного значения данного эпоса, раскрыть особенности его поэтики, языкового строя и т. д.

Комментарий к академическому изданию (кроме указанного выше свода вариантов, который может быть более подробным или более кратким в зависимости от реальных возможностей) должен заключать краткие научно-биографические сведения об авторе записи, о географическом распространении данного эпического произведения, с именами и ориентирующими данными о других сказителях, которые его исполняют (по картотеке фольклорного архива); необходимо дать примечания объяснительного характера к трудным словам, старинным или местным (диалектным), к особым именам и географическим названиям, к упоминаемым в эпосе национальным обычаям и социальным отношениям» [Там же, 7].

Специальное внимание было уделено и проблемам перевода эпоса.

Эти тезисы обсуждались на Всесоюзном совещании, посвященном вопросам изучения и публикации эпоса народов СССР, которое состоялось в конце ноября 1958 года в ИМЛИ. На нем выступили с докладами ученые не только из Москвы и Ленинграда — В. М. Жирмунский, П. Г. Богатырев, А. М. Астахова, Э. В. Померанцева, В. П. Аникин, М. И. Богданова, Б. П. Кирдан, Е. М. Мелетинский, В. М. Гацак, — но были представлены и фольклористы из всех союзных республик. В 1958 году это были молодые ученые, уже заявившие о себе

значительными исследованиями в области родного фольклора, а ныне — признанные основоположники национальных школ фольклористики (к сожалению, многих из них уже нет): исследователи грузинского фольклора М. Я. Чиковани, Е. Б. Вирсаладзе, К. А. Сихарулидзе, исследователи украинского фольклора П. Д. Павлий, Ф. И. Лавров, исследователь таджикского фольклора Р. Амонов, М. Г. Тахмасиб из Азербайджана, У. Джакишев из Киргизии, Б. А. Карьев из Туркмении, Я. Я. Рудзитис из Латвии.

Активное участие в работе совещания приняли фольклористы из автономных республик Российской Федерации: основоположник современного татарского эпосоведения Х. Х. Ярмухаммедов, современного башкирского эпосоведения — А. И. Киреев, известный исследователь карело-финского эпоса В. Я. Евсеев, автор многих работ по бурятскому фольклору А. И. Уланов и др.

Тезисы «Об основных принципах собирания и научной публикации эпоса народов СССР» стали основой для другого документа — методических указаний, изданных после совещания 1958 года [Вопросы... 1959]. В них были сформулированы правила записи, хранения, текстологической подготовки эпических памятников к изданию и научного аппарата к ним.

Во всех научно-исследовательских институтах страны началась работа по реализации этих направлений. В 1967 году редакционно-издательский совет АН СССР утвердил двуязычную академическую серию «Эпос народов СССР». На ИМЛИ возлагалась научная и координационная работа, на республиканские институты — подготовка томов, а на главную редакцию восточной литературы издательства «Наука» — осуществление издания серии. Была утверждена программа подготовки эпических памятников, учитывавшая их культурно-историческую и научную значимость; ставилась задача преодолеть нигилистическое отношение к эпическому наследию народов СССР, имевшее место в 1950—1960-е годы.

Программа серии «Эпос народов СССР» была составлена так, чтобы максимально полно представить всё разнообразие и богатство эпического наследия народов нашей страны. Первый том серии вышел в свет в 1971 году. В настоящее время издано 20 эпических памятников (в 26 книгах). Приведем перечень по мере публикации: «Хурлукга и Хемра. Саят и Хемра. Туркменский романичес-

кий эпос» (1971); «Украинские народные думы» (1972); «Рустамхан. Узбекский героико-романический эпос» (1972); «Маадай-Кара. Алтайский героический эпос» (1973); «Нарты. Адыгский героический эпос» (1974); «Кобланды-Батыр. Казахский героический эпос»; «Лачплесис. Латышский народный эпос» (1975); «Башкирский народный эпос» (1977); «Гёроглы. Туркменский героический эпос» (1983); «Манас. Киргизский героический эпос» (Кн. I—IV, 1984—1995); «Строптивный Кулун Кулугтуур. Якутское олонхо» (1985); «Гуругли. Таджикский народный эпос» (1987); «Коми народный эпос» (1987); «Алтын-Арыг. Хакасский героический эпос» (1988); «Нарты. Осетинский героический эпос» (1990—1991); «Джангар. Калмыцкий героический эпос» (1990); «Нарты. Героический эпос балкарцев и карачаевцев» (1994); «Абай Гэсэр могучий. Бурятский героический эпос» (1995); «Алпамыш. Узбекский народный героический эпос» (1999); «Козы-Корпеш и Баян-Сулу. Кыз-Жибек. Казахский романический эпос» (2003).

Далее рассмотрим правомерность выбора того или иного памятника как наиболее полно представляющего эпическую традицию данного народа, выявить принципы его подготовки к печати, прежде всего — степень вмешательства составителей не только в содержание, но и в вербальное оформление эпоса. Особое внимание будет уделено научному аппарату каждого тома: исследованию, посвященному не только словесной, но и музыкальной составляющей эпоса, характеристике его неопубликованных версий и вариантов, комментариям к тексту эпоса на языке оригинала или русскому переводу, словарю.

Проблемы перевода эпоса на русский язык могут быть предметом специального исследования, поэтому они здесь не рассматриваются.

Наиболее полно представлен эпос тюркоязычных народов Средней Азии, Казахстана, Поволжья и Южной Сибири, причем разные его разновидности — героический, героико-романический и любовно-романический. Начнем с томов, посвященных киргизскому эпосу.

* * *

Самое значительное в академической серии — и не только по объему (4 тома, 2505 страниц) — издание эпоса «Манас», созданного киргизскими народными певцами.

«Манас» превосходит по объему все известные мировые эпосы — в 20 раз «Илиаду» и «Одиссею», в 5 раз «Шахнамэ», в 2,5 раза индийскую «Махабхарату». Но трилогию о Манасе отличает не только уникальный объем, но и сложный сюжетный состав, многоплановость повествования, разветвленная образная система, стихотворная (от начала до конца) форма. В этом эпическом памятнике получили высокое художественное воплощение многовековая и многотрудная история киргизского народа, его мифология и религиозные верования, быт и нравы, этические и эстетические представления.

История записи и публикаций «Манаса» началась в 1851 году; особенно активно эта работа велась начиная с 1930-х годов. С тех пор от разных киргизских сказителей-манасчи записано более 4 миллионов строк сказаний трилогии о Манасе, его сыне Сейтеке и внуке Семетее; запись эпоса продолжается и в наши дни.

В его собирании, публикации и исследовании принимали активное участие выдающиеся представители отечественной науки второй половины XIX—XX веков — В. В. Радлов, В. В. Бартольд, Ф. Е. Корш, В. М. Жирмунский, М. О. Ауэзов, К. К. Юдахин, казахские ученые — прежде всего Ч. Ч. Валиханов, киргизские фольклористы, сформировавшиеся в годы советской власти — И. Абдырахманов, К. Рахматуллин, Б. М. Юнусалиев, С. М. Мусаев и многие другие, а также зарубежные исследователи — Н. М. и Н. К. Chadwick, С. М. Bowra, К. Reichl, и особенно А. Т. Hatto. Работы последнего получили высокую оценку киргизских фольклористов [Ботояров 1982].

В рукописных фондах Института языка и литературы Киргизии хранятся все материалы по эпосу «Манас», собранные в XX веке на территории республики. Среди них центральное место занимают варианты Сагымбая Орозбакова (по причине его болезни и ранней смерти от него была зафиксирована только первая часть трилогии «Манас») и Саякбая Каралаева — от него записана вся трилогия. Варианты этих двух манасчи считаются классическими. Здесь же хранятся записи «Манаса» и от других крупных сказителей — Тоголока Молдо (Байымбет Абдырахманов), Молдобасана Мусулманкулова, Шапака Ырысмендиева, Багыша Сазанова, Ибраима Абдырахманова, Мамбета Чекморова — не всегда отличающиеся такой глубокой и

высокохудожественной разработкой всех сюжетов, эпизодов и образов, как варианты Орозбакова и Каралаева.

Начиная с 1935 года предпринимались многократные попытки опубликовать «Манас» полностью, но гигантский объем эпоса не позволял это сделать без ущерба для аутентичности текста. Свидетельство тому — десять книг серии «Манаса», изданных в 1940—1944 годах на киргизском языке. В этом издании, как свидетельствует С. М. Мусаев, нарушена сюжетная канва повествования, допущены перестановка эпизодов, замена оригинала в стихах кратким прозаическим пересказом, неточности в передаче отдельных важных деталей, стилистическая правка эпического текста, исключения разных по форме, но одинаковых по смыслу слов [Мусаев 1977, 226—227].

Сходных принципов придерживались и создатели сводного варианта «Манаса», изданного в четырех томах на киргизском языке в 1958—1960 годах. Крупнейший киргизский исследователь «Манаса» Б. М. Юнусалиев подробно описал, как готовилось это издание, где «смонтированы» отрывки из вариантов, записанных от С. Каралаева, С. Орозбакова, М. Мусулманкулова, Б. Сазанова [Юнусалиев 1961, 282—298]. По его свидетельству, составителям этого свода приходилось решать и идеологические задачи: «Для сводного сокращенного варианта... были выбраны наиболее удачные в идеологическом и художественном отношении песни... Отобранные эпизоды были усилены отрывками из других вариантов, более отработанными и художественными, сходными по стилю и содержанию. Сокращены были повторы... Почти все варианты первого цикла при сохранении народной основы со всеми ее историческими, этнографическими, мифологическими, географическими элементами, оказываются сильно засоренными различного рода идеологическими наслоениями (курсив мой — А. А.). В них имеются завоевательные, религиозные, националистические и другие мотивы...» [Юнусалиев 1961, 284].

В дальнейшем киргизские фольклористы отказались от создания сводных текстов эпоса: в 1978—1982 годах был опубликован вариант С. Орозбакова в четырех томах, а в 1984—1990 годах — вариант С. Каралаева в пяти томах. Но естественно, что и в данном случае невозможно было воспроизвести все сказания, записанные от выдающихся манасчи: содержание эпизодов, которые не вошли в основной корпус текстов, было кратко из-

ложено. Благодаря этому читатель может составить достаточно цельное представление о сюжетном составе вариантов двух выдающихся сказителей «Манаса».

Опыт, обретенный киргизскими фольклористами при составлении всех названных (и многих неназванных здесь публикаций «Манаса»), был учтен при подготовке издания этого эпоса в академической серии. В 1984—1995 годах были опубликованы четыре тома, в которых представлены все этапы эпической «биографии» Манаса — от рождения до смерти — в записи от С. Орозбакова [Манас 1984—1995].

Текст эпоса на киргизском языке подготовили к печати ученые сектора манасоведения, созданного в 1956 году в Институте языка и литературы АН Киргизии: Б. М. Юнусалиев (руководитель проекта), С. М. Мусаев, К. К. Кырбашев, Ж. Мусаева, Р. Сарыпбеков, О. Сооронов, А. Абдылдаев, Р. Кыдырбаева, А. Джайнакова, С. Бегалиев, М. Мамыров, А. Усенбаев.

Обратимся к содержанию этого издания. Текст «Манаса», исполненный С. Орозбаковым, составляет 190 тысяч стихотворных строк и складывается из следующих частей: I. Рождение и детство Манаса. Первые столкновения юноши Манаса с врагами. Избрание Манаса ханом; II. Битва Манаса и богатыря катаганцев Кошой против врагов; III. Поход Манаса на Ала-Тоо для освобождения земель своих предков; IV. Перекочевка киргизов во главе с Манасом с Алтая на Ала-Тоо. Победа над Алооке-ханом, битва и победа над Шоруюком; V. История Алмамбета — сподвижника Манаса; VI. Женитьба Манаса на Каныкей; VII. Заговор родственников Манаса — Кёзкаманов; VIII. Поминки по Кёкётею — одному из старших соратников Манаса; IX. Большой поход Манаса на Бейджин; X. Малый поход Манаса против Конурбая. Смерть Манаса.

Перед составителями издания стояла сложная задача: при ограниченном объеме издания, включающего и текст на киргизском языке, и его русский перевод, и обширный научный аппарат, дать читателю возможность составить максимально полное и точное представление о содержании варианта эпоса, исполненного одним из лучших манасчи.

Было решено воспроизвести всю сюжетную канву эпоса в исполнении Орозбакова, поместив наиболее значительные эпизоды в основном корпусе текстов, а остальные охарактеризовать в комментариях (на уровне сюжетов, эпизодов, мотивов).

В первый том полностью вошел первый цикл, повествующий о рождении богатыря, его детстве, первых столкновениях с врагами и избрании его ханом. Здесь же, в разделе «Приложения», помещена статья С. М. Мусаева «Киргизский народный эпос “Манас”», где воссоздана историография, освещаются проблемы генезиса и формирования, характеризуются творчество создателей, хранителей и исполнителей эпоса — манасчи, его сюжетный состав, образная система и поэтика.

Самостоятельный интерес представляет раздел «Обзор записей вариантов эпоса “Манас”» (авторы — А. С. Мирбадалева, Н. В. Кидайш-Покровская, С. М. Мусаев) [Манас 1984—1995. Кн. I, 443—491]. Он включает перечень всех записей трилогии о Манасе, хранящихся в рукописных фондах киргизского Института языка и литературы³. В описании каждой записи приводятся максимально полные сведения об исполнителе сказания и записавшем его, о месте и времени фиксации, о характере рукописи и ее объеме. Особенно ценным в этом разделе представляется подробное изложение и анализ сюжетной канвы вариантов С. Орозбакова и С. Каралаева. Это позволило авторам, с одной стороны, выявить общность принципов объединения в одну сюжетную линию эпизодов, состоящих из однотипных мотивов и сюжетов, а с другой — проследить расхождения в развитии основной сюжетной линии этих вариантов и охарактеризовать различия в трактовке многих сюжетов, мотивов, эпизодов, традиционных для данного эпоса. При обзоре всех остальных вариантов «Манаса» подробно перечисляются составляющие их сюжеты, мотивы, эпизоды.

В статье «Напевы Манаса» В. С. Виноградов характеризует наблюдения своих предшественников (В. В. Радлова, П. Фалева, А. В. Затаевича, В. Кривоносова, В. Беляева) над самобытной манерой исполнения

³ К сожалению, при подготовке издания эпоса «Манас» в академической серии «Эпос народов СССР» никак не учитываются (и даже не упоминаются) версии этого эпоса, бытующие у киргизов, проживающих в Синьцзяне (КНР). Между тем, синьцзянские киргизские исполнители «Манаса» и сегодня не только исполняют, но и «развивают» эпопею об этом богатыре. Они создали сказания уже о семи поколениях богатырей из рода Манаса. Во время поездки в Китай в 1992 году мне довелось слушать исполнение «Манаса» одним из манасчи.

«Манаса» и предлагает свое объяснение и характеристику всего многообразия и богатства музыкальной интерпретации этого эпоса, прослеживает значительные изменения, которые происходят в манере его исполнения в наши дни. Статью сопровождают нотные приложения записей эпоса в исполнении С. Каралаева.

В комментариях дается объяснение выражений, в которых воплотилась специфика художественного мышления киргизов, уникальная образность киргизского эпоса, во многом идущая от архаических фольклорных традиций, а также выражений, характеризующих исторические, этнографические, бытовые реалии. В словаре содержится объяснение имен собственных, этнонимов, эпонимов, гидронимов.

Первый том — ключевой ко всему изданию: по такой же схеме подготовлены тома II—IV.

Для второй книги составителями отобраны основные традиционные сюжеты, определяющие сюжетную линию эпоса — «Поход Манаса на Ала-Тоо для освобождения земель своих предков», «Перекочевка киргизов во главе с Манасом с Алтая на Ала-Тоо», «Женитьба Манаса на Каныкей», части циклов о соратниках Манаса — Алмамбете и Кошое. Эпизоды из этих сюжетов, не вошедшие в основной корпус, кратко характеризуются в комментариях (с необходимыми ссылками на архивные данные).

В третьем томе в основном корпусе текстов опубликован один из самых значительных в «Манасе» и по содержанию, и по художественным достоинствам эпизод «Поминки по Кёкётею»; сюжетный состав предшествующего ему эпизода «Заговор родственников Манаса — Кёзкаманов» кратко охарактеризован в комментарии.

В четвертом томе помещен также один из важных эпизодов эпопеи — «Большой поход» — о борьбе Манаса и его сподвижников с кытаями и калмаками, о походе на Бейджин, о победе дружины Манаса, его ранении и смерти. К сожалению, сюжет здесь «изложен непоследовательно, сбивчиво, порою со смещением действий героев, что явилось следствием провалов в памяти тяжело больного сказителя. Поэтому фабулу концовки эпизода пришлось подробно изложить в комментарии» [Манас 1984—1995, IV, 716].

Составители издания первоначально планировали представить эти эпизоды записями от другого манасчи — С. Каралаева, — но при подготовке четвертого тома приняли более правильное решение — как и в первых трех книгах, привести в ком-

ментариях перечень пропущенных мест и назвать сюжеты и эпизоды, входящие в концовку эпизода «Большой поход».

Таким образом, в четырех книгах киргизского героического эпоса «Манас», изданного в академической серии, впервые представлен на языке оригинала и в русском переводе от начала до конца вариант С. Орозбакова: частично — в основном тексте, большей частью — в комментариях: из 190 тысяч строк орозбаковского варианта в четырех книгах напечатана почти четверть — 50 239 строк.

Необходимость искать наиболее «безболезненный» путь адекватного представления варианта С. Орозбакова в серии была ясна составителям с самого начала работы: «Огромный объем “Манаса” не позволяет издать его целиком. Это и вынуждает составителей при подготовке эпоса к печати производить значительные сокращения текста. Само собой разумеется, сокращения не должны нарушать идейно-художественной целостности эпоса. Необходимо сохранить традиционную сюжеттику древнего памятника, отсекая не только поздние привнесения, но и многочисленные повторения, обусловленные устным бытованием эпоса и многодневным его исполнением перед аудиторией. Сокращая тот или иной отрывок эпизода, мы стремились исключить такие места в тексте, без которых не прерывается сюжетная линия повествования. Кроме того, мы стремились к тому, чтобы сокращение в одном эпизоде не повлияло на другие эпизоды» [Мусаев 1977, 228—229].

Это свидетельство одного из составителей томов «Манаса» для издания в серии чрезвычайно важно. Как явствует из его слов, отсекались не только «многочисленные повторения», но и «поздние привнесения» в текст эпоса. А что именно составители считали «поздними привнесениями»?

К сожалению, ни в одном из томов «Манаса» в академической серии не сформулированы *принципы исключения* тех или иных частей эпоса, т. е. не обозначена мера и степень вмешательства составителей в публикуемый текст, что не позволяет иметь достаточно четкое представление о том, насколько точно воспроизведен текст С. Орозбакова. Читателю было бы полезно знать, за счет чего произошло такое сокращение текста — были исключены только целые сюжеты, мотивов, эпизодов или производились купюры и внутри публикуемых частей? К сожалению, в тексте эпоса изъятия никак не обозначены.

Однако даже это не снижает высокой оценки издания эпоса «Манас» в академической серии. Прежде всего, это первый несводный текст, представляющий один из лучших вариантов первой части трилогии о Манасе. Киргизский текст и научный аппарат к нему подготовлены с учетом состояния отечественного языкознания и фольклористики, каким оно было к 1990-м годам — началу издания этого памятника.

* * *

Эпическое наследие казахского народа представлено двумя памятниками: героическим эпосом «Кобланды-Батыр» и романтическим эпосом «Козы-Корпеш и Баян-Сулу; Кыз Жибек».

История записи, публикаций, исследования «интернационального» сказания о богатыре Кобланды включает имена В. В. Радлова, казахского ученого и просветителя Ч. Ч. Валиханова, известного фольклориста А. Диваева, тюрколога П. А. Фалева, а в XX веке — писателя и ученого М. Ауэзова, А. С. Орлова, казахских писателей С. Муканова и С. Сейфулина, казахских фольклористов К. Жумалиева, Б. Кенжебаева, А. Маргулана, М. Габдуллина и др.

В академической серии опубликован «Кобланды-батыр», и в наши дни бытующий у целого ряда тюркоязычных народов — казахов, каракалпаков, ногайцев, башкир, крымских и баратинских татар. Текст сказания о Кобланды-батыре неоднократно издавался на казахском языке и в русском поэтическом переводе. Но в серии «Эпос народов СССР» было впервые осуществлено двуязычное издание наиболее полного варианта сказания о Кобланды, в котором казахский текст сопровождается его русский научный перевод.

Составители тома имели в своем распоряжении 26 записей казахского варианта этого эпоса, хранящихся в фондах АН Казахской ССР, в архивах музеев и библиотек в Москве, Казани, Нукусе, Оренбурге. Они выбрали для публикации вариант известного казахского народного певца-акына и одновременно собирателя фольклора Шапая Калмагамбетова, «который сам зафиксировал исполнявшуюся им поэму и в 1939 году передал запись в Институт языка и литературы АН Казахской ССР. В предисловии к тексту — в форме поэтического обращения к «издателям» — Шапай Калмагамбетов указал, что он ничего не добавлял и не изменял, а исполнил поэму так, как слышал ее и запомнил» [Кобланды-Ба-

тыр 1975, 10]. Случаи самозаписи эпических памятников самими исполнителями, владеющими грамотой, известны в практике собирания эпоса. Понятно, что в таком случае утрачивается целый ряд особенностей текста, которые могут быть точнее всего переданы при фиксации средствами звукозаписывающей техники. Но, по мнению составителей тома, это — наиболее полный и художественно совершенный вариант поэмы «Кобланды-батыр», которую Ш. Калмагамбетов записал средствами арабской графики. К сожалению, подготовившая к изданию текст поэмы на казахском языке О. А. Нурмагамбетова никак не охарактеризовала ни принципы транслитерации текста на современную казахскую графику, ни другие принципы его текстологической подготовки, которых она придерживалась.

Вступительное исследование к тому содержит общую характеристику казахского героического эпоса и места в нем сказания о богатыре Кобланды, историю его записи и публикаций, описание искусства казахских исполнителей эпоса. Но основное внимание уделено содержанию этой эпической поэмы в связи с историческими судьбами создавшего ее народа, проблеме генезиса (в частности, роли сказки, предания и легенды в ее формировании), системе персонажей, изобразительных средств.

Продолжает вступительное исследование и существенно его дополняет раздел «Описание вариантов героико-эпической поэмы “Кобланды-батыр”» (как видим, составители тома варьируют определение ее жанра: то «героический эпос», то «героико-эпическая поэма»). Здесь предлагается сравнительный анализ всех 26 записей сказания. Они сгруппированы в две основные версии, которые сопоставляются с текстом, опубликованным в томе. Приводятся сведения о времени и месте записи каждого сказания, о его исполнителе (и нередко о том, от кого он его перенял) и о записавшем, а также сведения о самой рукописи — ее объеме, какой графикой сделана запись, где хранится. Особый интерес представляют характеристики творчества сказителей, от которых зафиксирован текст эпоса.

В статье Б. Г. Ерзаковича «Нотные записи мелодий из эпоса “Кобланды-батыр”» представлены разные виды воплощения музыкального сопровождения этого памятника, включающего и обе разновидности музыкального творчества — вокальную и инструментальную, — и наиболее древнюю

традиционную форму, имеющую синкретический характер.

Тщательно составлен завершающий том словарь: в него вошли различные термины и понятия, оставленные в тексте эпоса без перевода.

* * *

В отличие от киргизского или казахского эпоса, образцы которого были зафиксированы представителями русской востоковедческой школы уже во второй половине XIX века, героический и романтический эпос узбекского народа был открыт миру только в 1920-е годы. В его собирании, издании и изучении важную роль сыграл основоположник узбекской фольклористики Х. Т. Зарифов (1905—1972). За короткий исторический период — чуть более полувека — узбекскими учеными было зафиксировано около трехсот произведений узбекского эпоса, в том числе такие крупные дастаны, как «Алпамыш», «Ядгар», «Юсуф и Ахмед», «Алибек и Балибек», «Кунтугмыш», «Мурадхан», «Рус-тамхан», «Ширин и Шакар», «Арзигуль», «Киранхан», около ста дастанов о Гёроглы, и многие другие. На узбекском языке в 1950—1980-е годы были опубликованы произведения разных жанров узбекского фольклора в сорока томах; дастаны, записанные от выдающегося узбекского сказителя Эргаша Джуман-бульбуль-оглы, составили пять томов, изданных на узбекском языке, и три тома — в переводе на русский язык.

Естественно, что весь этот массив эпического творчества узбекского народа не мог быть издан в переводах на русский язык в столь короткий срок. С грандиозным эпосом «Алпамыш» русскоязычный читатель познакомился сначала в поэтических переводах Л. Пеньковского, А. Кочеткова, В. Державина. Начиная с 1950-х годов этот памятник стал предметом пристального внимания ученых. Ему было посвящено фундаментальное исследование В. М. Жирмунского и Х. Т. Зарифова [Жирмунский, Зарифов 1947], проблемы его изучения обсуждались в 1956 году на уже упоминавшемся региональном совещании, состоявшемся в г. Ташкенте, результаты многолетних исследований обобщены в капитальном труде В. М. Жирмунского [Жирмунский 1960]. Творчество узбекских сказителей подробно охарактеризовано в работах Х. Т. Зарифова и Т. Мирзаева ([Зарифов 1958; Мирзаев 1986]).

Сказание об Алпамыше, как и некоторые другие произведения эпоса тюркоязычных народов, — интернациональный

памятник. Он бытует у казахов, каракалпаков, таджиков, у народов Поволжья (татар и башкир), у народов Южной Сибири (алтайцев). Однако узбекская версия «Алпамыша», записанная от выдающегося узбекского сказителя Фазыла Юлдаш-оглы, общепризнанно относится к числу лучших. Она и опубликована в академической серии.

Вот как сформулированы принципы текстологической подготовки памятника: «Издание узбекского сказания “Алпамыш” явилось итогом научных исследований по отбору текстов и составной частью работы ИЯЛ АН РУз (Института языка и литературы Академии наук Республики Узбекистан — А. А.). Учеными был сделан критический отбор текстового материала, и из всех имеющихся многочисленных записей выбран вариант Фазыла Юлдаш-оглы, который считается самым полным и художественно совершенным текстом “Алпамыша”. Публикуемый дастан записан из уст народного сказителя Фазыла Юлдаш-оглы в 1928 году в кишлаке Лайка Булунгурского района Самаркандской области известным собирателем фольклора Махмудом Зарифовым. Запись, произведенная на основе арабской графики, хранится в архиве узбекского фольклора Института языка и литературы им. Алишера Навои Академии наук республики Узбекистан под инвентарным номером 18.

Изучение рукописи показывает, что собиратель достиг точной и полной фиксации сказительского текста, и в нем сохранены диалектные особенности и произносительные нюансы речи сказителя. В рукописи не имеется заметок собирателя, почти нет помарок и запись сохранена в неприкосновенном виде. В первоначальном виде записи, как и в последующие годы, никаких изменений не вносилось. В процессе текстологической работы рукопись также не претерпела никаких поправок. Данная публикация в точности следует оригиналу, сохраняя особенности языка сказителя и орфографию рукописи.

Благодаря тщательности фиксации дастана, проведенной под руководством основоположника узбекской фольклористики Ходи Тилляевича Зарифова, данная запись целиком положена в основу подачи текста в нашем издании. <...> При подготовке дастана “Алпамыш” к печати не понадобилось никаких текстологических поправок, а добавленные слова и выражения от подготовителя взяты в квадратные скобки, но такие случаи единичны. При полном сохранении текста все же в отдельных местах вместо эротических (порно-

графических) слов поставлены многоточия» [Алпамыш 1999, 799].

Далее в статье подробно охарактеризованы принципы адекватной передачи в тексте эпоса на языке оригинала специфических звуков узбекского языка, принципы выделения прозаических и стихотворных частей эпоса, нумерации стихов в оригинале и переводе, что позволяет читателю и исследователю составить четкое представление о степени достоверности публикации эпоса.

В исследовании Т. М. Мирзаева детально охарактеризован жанр дастана в узбекском фольклоре. Естественно, главное место занимает анализ узбекской версии «Алпамыша» — история записи, публикации, изучения этого памятника, который, по мнению Т. М. Мирзаева, «является единственным произведением узбекского фольклора, сохранившим все особенности героического эпоса» [Там же, 25]. Особое внимание уделено анализу художественного своеобразия этого эпоса и, что особенно ценно, творчеству народных узбекских сказителей.

Органичной частью вступительного исследования к тому и важнейшим дополнением к нему стала статья Ф. М. Кароматли «О музыке узбекских дастанов и особенностях ее проявления в “Алпамыше”», название которой очень точно определяет ее содержание: действительно, в ней музыка «Алпамыша» характеризуется в контексте музыкальных особенностей разных видов узбекских дастанов. И хотя, по мнению Ф. М. Кароматли, «очень скудными на сегодняшний день оказались магнитные записи» [Там же, 56], он анализирует музыкальную сторону этого эпоса, опираясь на его варианты, зафиксированные от сказителей, представляющих разные сказительские школы: Эрлакат Назара, Хамро-шаира и Тош-шаира (правда, представляющих близкие по локальному стилю регионы Узбекистана). Анализ Ф. М. Кароматли и его выводы подтверждаются нотными примерами из расшифровок магнитофонных записей «Алпамыша».

В комментариях и словаре поясняются эпические топонимы, имена персонажей, этнографические и бытовые реалии, специфические поэтические образы и т. п.

* * *

Наряду с эпическими памятниками, бытующими у народов, связанных не только общностью происхождения, ис-

торических судеб, но и общностью языка (такими, как «Алпамыш», «Рустамхан», «Кобланды-батыр» и др.), на территории бывшего Советского Союза известны эпосы, имеющие широкое распространение у народов, принадлежащих разным языковым семьям. Таковы эпические сказания о Кёр-оглы—Гёроглы—Гуругли. Они широко представлены в фольклоре народов Передней и Средней Азии: в Закавказье — у азербайджанцев, грузин, армян, курдов; на Ближнем Востоке — в Турции и Северном Иране (у тюрков Южного Азербайджана и Северного Хорасана); в Средней Азии — у туркмен, узбеков, казахов, таджиков, каракалпаков, арабов; в южной Сибири — у тобольских (сибирских) татар. На Балканах они зафиксированы у гагаузов и болгарских турок.

Исследователи делят все национальные версии данного эпоса на две большие ветви: западную — кавказскую (в нее входят азербайджанские сказания и типологически сходные с ними армянские, грузинские и курдские), и восточную (ее составляют узбекские и тяготеющие к ним казахские, каракалпакские, сказания тобольских (сибирских) татар). Туркменский эпос о Гёроглы многими своими чертами сходен и с азербайджанским, и с таджикским.

В центре разных национальных версий — герой, в образе которого отразились разные ступени эпической идеализации. Кёр-оглы — удалой джигит, «благородный разбойник» типа английского Робина Гуда — образ, характерный для кавказских версий эпоса (в азербайджанской и примыкающих к ней); патриархальный государь, могучий, мудрый и справедливый, славный эпический богатырь — в центре восточных или среднеазиатских версий (ярче всего — в узбекской, также в туркменской, казахской, таджикской).

Необычайно широкое распространение эпоса о Кёр-оглы—Гёроглы—Гуругли у народов Передней и Средней Азии — результат их обмена сюжетами в процессе многовекового общения и творческой переработки воспринятых сюжетов.

Понятно, что такой грандиозный эпос, как Кёр-оглы—Гёроглы—Гуругли мог быть создан в столь короткий (конечно, в пределах истории эпоса) срок только при условии, что он формировался на основе и в процессе творческого синтеза уже существовавшей у того или иного народа мифологической и эпической традиции (ее сюжетов, образной системы, поэтики).

Своеобразие древних эпических традиций, в контексте которых сегодня бытует эпос о Кёр-оглы—Гёроглы—Гуругли, и определило этноспецифику этого эпоса у каждого народа.

В академической серии представлены туркменская и таджикская версии этого эпоса.

Туркменский героический эпос о знаменитом богатыре и певце бытует под названиями «Гёр-оглы» («Сын могилы»), «Кёр-оглы» («Сын глухого») и «Гёр-оглы» («Сын слепого»).

Запись и публикация туркменских сказаний об этом герое начались в сороковых годах XIX столетия и связаны с именами профессора Петербургского университета, русского востоковеда И. Н. Березина, С. В. Фарфоровского, известного тюрколога-лингвиста А. П. Поцелуевского, уникального знатока языков, литератур и фольклора ираноязычных и тюркоязычных народов — Х. Г. Короглы [Короглы 1972; 1983]. Особенно много сделал для записи, публикации и исследования туркменского романического и героического эпоса Б. А. Каррыев, автор фундаментального монографического исследования основных версий эпоса о Кёр-оглы у тюркоязычных народов [Каррыев 1968].

Сказания о Гёроглы публиковались на туркменском языке в 1941 году Б. А. Каррыевым, туркменским писателем А. Ковшутovým и одним из крупнейших советских тюркологов Н. К. Дмитриевым. Полностью на туркменском языке «Гёроглы» был издан дважды — в 1941 и в 1958 годах [Gorogly 1941; Гёроглы 1958].

Эти издания получили точную текстологическую оценку Х. Г. Короглы [Короглы 1977, 65—76]. По его свидетельству, составитель издания 1941 года — известный туркменский писатель и фольклорист Ата Ковшутöv — отобрал для публикации 14 дастанов из репертуара талантливого туркменского сказителя Палвана-бахши, излагающих все сюжеты, связанные с именем богатыря туркменского эпоса. Х. Г. Короглы подчеркивает, что в этом издании «текст сказителя сохранен в неизменном виде, что соответствует традициям русского академического востоковедения». В частности, здесь отразился такой характерный для тюркоязычных народов мотив, как аламанство — военные набеги туркменских ханов на своих соседей или «подвиги, совершаемые во имя торжества ислама» [Короглы 1977, 69]. Правда, в соответствии с требованиями того времени, когда Х. Г. Короглы писал свою ста-

тью, он должен был назвать такие сюжеты «идеологически вредными».

Второе издание туркменского «Гёроглы» на языке оригинала вышло в свет в 1958 году. В основе его — текст публикации 1941 года, но его редактор Н. Аширов не просто воспроизвел предыдущую публикацию, а «отредактировал» эпос, как сам определяет, «стилистически», чтобы придать тексту больше художественности, устранил из текста «непонятные» современному читателю религиозные элементы и аламанство» [Там же, 69]. Х. Г. Короглы приводит многочисленные примеры «улучшения» текста туркменского эпоса, из которого не только убирались имена мусульманских святых или упоминания о набегах на соседей, но и проводилась его «редактура» в историко-социальном плане. Редактор последовательно исключал из эпоса упоминания о Грузии и Азербайджане (последний он заменил словом «Ширван») и о кызылбашах (вместо них везде упоминаются просто «враги»). Х. Г. Короглы объясняет такое «редактирование» стремлением сделать так, «чтобы в туркменском эпосе ничто не напоминало о его складывании вне Туркмении, в частности, в Азербайджане». Вот почему «эпос “Гёроглы” в издании 1958 г. недопустимо искажен» [Там же, 72].

Опыт всех этих изданий был учтен при подготовке первого двуязычного издания туркменских сказаний о Гёроглы в академической серии «Эпос народов СССР». Вступительное исследование к изданию, комментарии к эпическим сказаниям, пояснительный словарь и туркменский текст эпоса подготовлен к печати Б. А. Каррыевым, им же совместно с Е. А. Поцелуевским сделан его перевод на русский язык.

Надо сказать, что Б. А. Каррыев имел в своем распоряжении первоклассные фольклорные записи: начиная с 1927 года Туркменское научно-литературное общество, а затем Туркменский государственный научно-исследовательский институт проводили ежегодные фольклорные экспедиции. Их участники фиксировали произведения фольклора с помощью знаков фонетической транскрипции (что позволяло максимально точно передать произношение исполнителей). При этом записи делались не только на бумаге, но и на фонографе. В 1935 году в фонотеке Туркменского государственного научно-исследовательского института уже было 90 напетых валиков [Поцелуевский 1935, 441; Успенский, Беляев 1928—1936]. Таким

образом, записи произведений туркменского фольклора, сделанные в 1930—1940-е годы, являются надежным источником и для лингвистов, и для фольклористов.

Как и другие национальные версии этого эпоса, туркменский «Гёроглы» не представляет собою единого целого, а состоит из целого ряда глав (по-туркменски — шаха́, т. е. ветвь, ответвление эпоса). Хранители и исполнители сказаний о Гёр-оглы — туркменские бахши (как правило, они сочетают в одном лице певца, музыканта и сказителя) обычно не знают всех шаха, составляющих в совокупности эпос об этом герое. Наибольшее их число знал знаменитый Пельван-бахши; в его исполнении в 1937 году было зафиксировано 12 шаха, наиболее полно и в совершенной художественной форме повествующих о подвигах эпического героя. В репертуаре Пельван-бахши не было сказания о смерти богатыря (хотя оно исполняется другими бахши); нет его и в томе.

Запись эпоса о Гёр-оглы, сделанная от Пельвана-бахши, и опубликована в академической серии. Она наиболее полно представляет туркменскую версию и включает следующие сказания; 1) Рождение Гёр-оглы; 2) Женидьба Гёр-оглы; 3) Мечь Арабу; 4) Усыновление Овеза; 5) Овез на виселице; 6) Женидьба Овеза; 7) Араб-Рейхан; 8) Сорок тысяч; 9) Обида Овеза; 10) Старуха; 11) Харман-Дяли; 12) Безирген.

Поскольку число записанных и хранящихся в архиве текстов эпоса о Гёр-оглы значительно, составитель тома во вступительной статье дает сравнительную характеристику вариантов сказаний на каждый сюжет, так что читатель получает представление не только о версии Пельван-бахши, опубликованной в данном томе, но и обо всей совокупности вариантов туркменского героического эпоса. Здесь охарактеризованы и совпадающие в них мотивы, эпизоды, сюжеты, образы персонажей и специфические элементы каждого варианта.

Следует особо сказать о текстологии эпоса. Как утверждает составитель, «воспроизводится вариант Пельван-бахши... в том виде, в каком он был записан от сказителя А. Чеповым в 1937 г. <...> Исправлены лишь очевидные описки и опущены некоторые грубые слова и выражения» [Каррыев 1983, 32]. Таким образом, это — первое аутентичное издание туркменского героического эпоса, где не допущено никакого вмешательства в текст сказителя.

В «Приложении» приводится ряд нотных записей эпоса «Гёроглы» и дается их характеристика на основе книги В. Успенского и В. Беляева «Туркменская музыка». К сожалению, эта публикация не учитывает современного уровня знаний о народной музыке народов Средней Азии.

В разделе «Комментарии» находим пояснения к туркменским текстам эпоса и к их русским переводам. Комментарии к переводам текстов содержат объяснения смысла отдельных слов, фраз и выражений, характеризующих туркменские мифологические и религиозные представления, этнографические и бытовые реалии, специфическую образность отдельных выражений. Все эти пояснения очень важны для более точного понимания эпического текста читателем, не знающим туркменского языка. «Словарь» содержит исчерпывающие пояснения имен собственных, топонимов, этнонимов, а также названий многообразных реалий туркменского героического эпоса.

* * *

Самобытная версия эпоса о Кёр-оглы—Гёр-оглы бытует среди таджиков.

Сказания о Гуругли на таджикском языке впервые были записаны в 1930-е годы. Наиболее плодотворно фиксация и изучение этого эпоса велась в 1950—1970-е годы, когда бытование эпоса о Гуругли было выявлено в разных районах Таджикистана, и, таким образом, была подтверждена устойчивость эпической традиции, связанной с именем этого богатыря в Таджикистане. Значительная часть записей тех лет была опубликована, преимущественно на языке оригинала.

Начало научному изучению таджикского «Гуругли» положил известный иранист А. Н. Болдырев. В становление эпосоведения — сбор, издание, исследование эпоса — неоценимый вклад внес таджикский фольклорист Р. Амонов. Успешно изучали «Гуругли» другие таджикские ученые — С. Аминова, Р. Рахматова, С. Фатхуллаева, К. Хисомова, Н. Шакармухаммедова, Х. Назаров. Их работы публиковались преимущественно на таджикском языке и доступны специалистам, владеющим этим языком.

Сравнительному исследованию таджикских сказаний о Гуругли в сопоставлении с другими национальными версиями этого эпоса посвящены уже упоминавшиеся работы Б. А. Каррыева и Х. Г. Короглы. Следует специально сказать о проведенном Х. Г. Короглы текстологическом

анализе двенадцати дастанов о Гуругли, записанных от известного таджикского сказителя — гуруглихона Курбанали Раджабова — и опубликованных в 1962—1963 годах Р. Амоновым на таджикском языке [Короглы 1977, 65—76].

Отмечая такое несомненное достоинство этого издания, как включение в него текстов, зафиксированных от одного сказителя, исследователь подчеркивает, что «вариант Курбанали Раджабова отличает модернизация традиционных сюжетов и различных элементов эпоса» [Там же, 73]. А именно — исключение из него волшебного-фантастического и романтических ситуаций и святых, помогающих герою (да и сам герой словно утратил религиозные представления своих предков и предстает как бы «атеистом»), модернизация лексики. Существенным недостатком является и расположение сказаний не в логической последовательности (когда сказание о рождении сына Аваза-Нурали следует за сказанием о его, Нурали, подвигах). Результаты этого исследования также были учтены при подготовке издания «Гуругли» в академической серии: Х. Г. Короглы был его ответственным редактором.

Особое место в изучении таджикского эпоса занимают труды крупнейшего советского ираниста И. С. Брагинского, подготовившего издание «Гуругли» в академической серии. Это — первая публикация таджикского эпоса на таджикском языке и в переводе на русский язык, где представлены все основные его сюжеты.

Подготовке тома «Гуругли» предшествовала серьезная текстологическая работа по изучению всех архивных и опубликованных записей таджикского эпоса. В фольклорном архиве Института языка и литературы им. Рудаки в Таджикистане ко времени подготовки тома хранились записи героического эпоса от 14 гуруглихонов, сделанные на протяжении 1933—1963 годов. От некоторых сказителей записано большое число дастанов, составляющих этот эпос: от Хикмата Ризо, например, — 34, от Хакназара Кабуда — 30, от Одина Шакара — 10, от Курбана Раджаба — 18, от Курбана Джалила — 9 и т. д. Сложность состояла и в том, что при общности основных героев и совпадении в целом сюжетной канвы эпоса у всех этих гуруглихонов практически нет одинаковых дастанов. Тщательное изучение всех архивных вариантов позволило отобрать 20 текстов, по которым читатель может составить достаточно полное представление о содержании эпоса «Гуругли»,

его образной системе, поэтике. Почти половина включенных в книгу дастанов (9) записаны от одного из лучших гуруглихонов XX века — Хикмата Ризо, остальные 11 — еще от пяти сказителей: Курбана Сафара из Бальджуана, от Сафара из кишлака Лухч Тавильдаринского района, от Курбана Джалила из Явана, от Бобоюнуса Худойдод-зада из кишлака Косатарош Бальджуанского района, от Одина Шакара из кишлака Дуфайтун Даштиджумского района.

Все тексты на таджикском языке печатаются в том виде, как они были записаны от исполнителей, с сохранением всех диалектных особенностей, специфики языка и стиля гуруглихона.

Особую ценность изданию придает научный аппарат. Прежде всего, это вводное исследование И. С. Брагинского «Таджикский народный эпос “Гуругли”». В нем дается аналитическая характеристика всех имеющихся публикаций таджикского эпоса и посвященных ему исследований, характеризуется импровизационное творчество таджикских рапсодов, определяется место таджикского «Гуругли» среди эпических памятников об этом герое, бытующих у народов Средней Азии, Кавказа, Сибири, Балканского полуострова, Ближнего и Среднего Востока. И. С. Брагинский выделяет элементы, связывающие «Гуругли» с таджикской мифологической и фольклорной традицией, определяет его этническую специфику, которая проявляется и в сюжетном составе, и в образной системе, и в поэтике эпоса.

В «Приложении» приводятся данные о таджикских гуруглихонах и перечень записанных от них дастанов, хранящихся в фольклорном архиве Института языка и литературы им. Рудаки. К сожалению, список архивных записей дается без характеристики их содержания, без сравнительного анализа вариантов. Впрочем, объем хранящегося материала так велик, что его анализу может быть посвящено специальное исследование.

Самостоятельный интерес представляет статья Х. Назарова «Искусство исполнения и исполнители таджикского народного эпоса “Гуругли”». Это — первое в истории изучения таджикского эпоса (во всяком случае, опубликованное на русском языке) исследование, в котором так полно характеризуются школы народных таджикских певцов, их высокий профессионализм, традиция передачи эпического знания и исполнения от учителя к ученику. Статью сопровождает

нотная запись отрывка из эпоса «Гуругли» в исполнении Хикмата Ризо, сделанная З. Таджиковой.

Заключает издание словарь, содержащий краткое, но емкое пояснение слов, оставленных в русском тексте эпоса без перевода.

* * *

В академической серии представлен не только героический, но и романический эпос, включающий произведения героико-романического и любовно-романического содержания. Общеизвестно, что героический и романический эпос представляют собой разные стадии развития эпоса, которые не только сосуществовали, но и находились «в постоянном творческом взаимодействии» [Жирмунский, Зарифов 1947, 447]. Романический эпос, возникновение которого исследователи относят к началу XVI века, плодотворно развивался у тюркоязычных народов вплоть до первой половины XX века. Его источники многообразны: это народные предания и легенды, сюжеты религиозных книг и произведений фольклорного или литературного происхождения.

Многие из романических сказаний бытуют у целого ряда тюркоязычных народов Средней Азии, Казахстана, Поволжья.

Публикацию одного из выдающихся образцов узбекского героико-романического эпоса содержит том «Рустамхан» (1972). Этому герою в узбекском фольклоре посвящено пять поэм: «Мурадхан» и «Султанхан» повествуют о деде и отце Рустама, три остальные — «Рустамхан», «Офтоб-пери» (или «Офтобой») и «Ранение Рустама» — рассказывают о приключениях и подвигах главного героя.

Центральное место в цикле занимает дастан «Рустамхан». Впервые он был записан в 1937 году Х. Т. Зарифовым от выдающегося узбекского сказителя Фазыла Юлдаш-оглы «под диктовку сказителя без всякого изменения фраз и слов, включая и произношение» [Рустамхан 1972, 13]. Позже этот дастан был зафиксирован и от других сказителей, но именно вариант Фазыла Юлдаш-оглы неоднократно публиковался на узбекском языке в отрывках и целиком. Этот вариант, который «и по форме и по содержанию представляет собой наиболее совершенное произведение из всех записей дастана» [Там же, 25], и напечатан в томе серии, причем полный адекватный перевод его на русский язык опубликован впервые.

К сожалению, принципы транслитерации эпоса с арабской графики (на которой произведена запись) на кириллицу, как и другие текстологические процедуры, в томе никак не оговариваются.

Во вступительной части дается подробная характеристика этого памятника. В ней прежде всего определяется связь сказаний о Рустаме, бытующих у народов Средней Азии, со сказаниями об одноименном герое, распространенными в Персии, Турции, Афганистане, Грузии, Армении, и выявляется своеобразие узбекской версии. Подробно описан репертуар сказителя Фазыла Юлдаш-оглы, его манера исполнения эпоса, во многом объясняющие особенности его версии «Рустамхана» (в частности, акцент на социальной характеристике персонажей).

Детально исследованы жанровые особенности «Рустамхана», в котором мотивы волшебной и богатырской сказки органически сочетаются с элементами исторических преданий и легенд, героико-эпические и романические мотивы, в совокупности составляющие целостное художественное единство — эпос о Рустамхане. Синтез многообразных художественных традиций прослеживается и в системе образов персонажей поэмы, и в ее поэтике.

Специальный раздел посвящен описанию вариантов «Рустамхана». Опубликованный в томе текст Фазыла Юлдаш-оглы сопоставляется с записями, сделанными в 1935, 1940 и 1962 годах, что позволяет читателю составить достаточно полное представление о своеобразии трактовки основных эпизодов дастана и его героев во всей совокупности вариантов.

К сожалению, в издании нет статьи, характеризующей музыкальную сторону исполнения дастана «Рустамхан», хотя составитель располагал магнитофонной записью, сделанной в 1962 году от сказителя Алима Хаккулова и хранившейся в рукописном фонде сектора фольклора Института языка и литературы им. А. С. Пушкина АН Уз ССР, как свидетельствует «Описание вариантов дастана» [Там же, 303].

* * *

Образцы любовно-романического туркменского эпоса опубликованы в томе «Хурлукга и Хемра. Саят и Хемра» (1971). Здесь представлены две формы бытования этого эпоса. Дастан «Хурлукга и Хемра» был исполнен знаменитым туркменским сказителем Назаром-бахши в 1939 году и записан Б. А. Карриевым на туркменском

языке латинским шрифтом, переведен на русскую графику и подготовлен к изданию в томе А. Дурдыевой.

Полной фиксации дастана «Саят и Хемра» в исполнении народных сказителей нет (есть только фрагментарные записи отдельных эпизодов), поэтому в томе опубликован текст «народной книги», написанной на основе арабской графики, транслитерированный на русскую графику и подготовленный к печати туркменским фольклористом Б. Мамедязовым.

Впервые казахский и уйгурский варианты дастана «Хурлукга и Хемра» были зафиксированы и опубликованы в 1870 и 1886 годах В. В. Радловым, который относил — и как видим, справедливо — этот дастан к числу «книжных» произведений [Радлов 1870, XX]. В конце XIX — начале XX века появились литографированные издания дастанов «Хурлукга и Хемра», «Саят и Хемра». В 1930—1970-е годы ряд вариантов был зафиксирован от народных туркменских сказителей-бахши, так что в распоряжении составителей был значительный материал, из которого и были выбраны репрезентативные тексты.

Во вступительной статье А. С. Мирбадалевой «Туркменский романический эпос» излагается история записи и изучения этих двух дастанов и характеризуются разнообразные традиции эпического творчества народов Ближнего и Среднего Востока — традиции эпоса огузов и других тюркоязычных народов, классических восточных романических дастанов, сформировавшихся под влиянием классической книжной поэзии народов Ближнего и Дальнего Востока и традиции народных сказок. Как показывает А. С. Мирбадалева, органический сплав этих традиций и привел к появлению нового жанрового образования — дастанов.

А. С. Мирбадалева, писавшая эту статью в 1960-е годы, не могла избежать искушения охарактеризовать религиозные мусульманские мотивы в эпосе народа, исповедующего ислам, как результат той или иной обработки, «чтобы воздействовать на сознание народа, прививать народу религиозные чувства и воспитывать его в духе послушания» [Туркменский эпос 1971, 15]. Здесь нельзя не видеть отголоски борьбы за «чистоту» эпоса, присутствие в котором религиозных представлений его создателей считалось «привнесением извне», хотя еще в своем докладе на конференции 1956 года, посвященной эпосу «Алпамыш», В. М. Жирмунский подчеркивал, что отражение в эпических памятниках религиозных представлений их со-

здателей исторически закономерно: «Эпос является произведением своего времени. Мусульманин Алпамыш призывает Аллаха и верит в помощь своего “пира”, как Илья Муромец кладет крестные поклоны перед иконами» [Жирмунский 1959, 26].

Раздел «Комментарии» содержит перечень всех записей дастанов «Хурлукга и Хемра», «Саят и Хемра», хранящихся в рукописных фондах Института языка и литературы АН Туркменской ССР, Института востоковедения АН Узбекской ССР и Института языка и литературы им. А. С. Пушкина АН УзССР (с максимально полными сведениями об исполнителе и собирателе эпоса). Сопоставительный анализ содержания всех перечисленных архивных записей публикуемых дастанов дополняет вступительное исследование, что позволяет читателю создать довольно полное представление и об ареале их бытования, и о степени полноты разработки сюжета каждого варианта.

В «Словаре» пояснено значение отдельных слов, оставленных без перевода, а также имен собственных, географических и бытовых понятий.

Раздел «Образцы нотных записей дастанов» (автор не указан) содержит нотные записи песен, созданных на стихи из дастанов «Хурлукга и Хемра» и «Саят и Хемра», перепечатанных из известного двухтомного исследования В. Успенского и В. Беляева (1936/1979), и пересказ некоторых положений этой работы.

* * *

Казахский романический эпос представлен двумя произведениями — «Козы-Корпеш и Баян-Сулу» и «Кыз-Жибек» — «самыми ранними по происхождению, характеру сюжета и самыми популярными в народе» [Козы-Корпеш... 2003, 353]. Первый из них является интернациональным — эпические сказания на этот сюжет широко бытуют в разнообразных жанровых формах и вариантах и у других тюркоязычных народов (алтайцев, башкир, телеутов, уйгур), второй принадлежит только казахскому фольклору.

Как и в других томах академической серии, тексты эпоса на языке оригинала (в данном случае — казахском) и в русском переводе сопровождается тщательно подготовленный научный аппарат. Это прежде всего основательное исследование З. А. Ахметова и С. А. Каскабасова «Казахский романический эпос», в котором на материале двух публикуемых памятников авторы характеризуют время возникновения и формирования, жанровые,

композиционные, стилистические особенности казахских романтических сказаний, широко бытовавших и продуктивно развивавшихся еще в первой половине XX столетия. Его дополняют разделы, посвященные описанию вариантов эпических памятников.

Составители выбрали два эпоса, на материале которых наглядно можно проследить передачу этих памятников из поколения в поколение.

«Козы-Корпеш и Баян-Сулу» записывался и публиковался на протяжении XIX и XX столетий (начиная с 1834 года) представителями русской академической науки (В. В. Радлов, И. Н. Березин, Н. Н. Пантусов, Н. И. Ильминский, А. Л. Кун, Г. Н. Потанин) и казахскими фольклористами и писателями.

Текст эпоса фиксировался от знаменитых казахских акынов и сказителей Ж. Камбарова (1780—1850), Ш. Каржаубаева (1803—1895), М.-Ж. Копеева (1857—1931), Ш. Абенова (1900—1994) Б. Бектурганова (1903—1962) и ряда других исполнителей. Названные сказители принадлежали к разным школам, и записанные от них тексты имеют значительные отличия. Это убедительно показано авторами раздела М. Г. Гумаровым и Н. С. Смирновой, выбравшими для анализа только тексты эпоса на казахском языке.

Эпос «Кыз-Жибек» имеет другую историю: большинство его вариантов было записано в XX веке. Одним из первых был зафиксирован вариант акына Жусупбека Шейхулисламова (1857—1936), который многократно публиковался в записи «некоего татарина» в 1894, 1895, 1896, 1899 годах и затем в 1900 году в Казани по тексту самого сказителя. «Этот текст Ж. Шейхулисламова до революции литографическим способом издавался в 1903, 1905, 1909, 1910, 1911, а в советское время — в 1923, 1933, 1939, 1959, 1963 годах. Он печатается во всех современных изданиях эпоса» [Там же, 334].

Такое обилие печатных текстов эпического памятника привело к его вторичной фольклоризации: акыны, прочитавшие книгу — Б. Бектурганов (1894—1967), А. Данекеров (1894—1967), Е. Ахмедов (1897—1967), Р. Мазходжаев (1881—1971), Х. Утегалиева (1889—1984), И. Камытов (1888—1955), Ш. Калмагамбетов (1890—1959), — исполнили на протяжении 1940—1957 годов варианты эпоса «Кыз-Жибек», представляющие собою либо «неполный список варианта Шейхулисламова», либо один из списков варианта этого сказителя; их текст по содержанию либо «совпадает с

вариантом Шейхулисламова» либо «близок к его варианту» [Там же, 336].

Таким образом, разделы, в которых дается описание вариантов публикуемых в томе эпических памятников, содержат очень важные данные не только об их исполнителях, собирателях, исследователях, разыскавших эти материалы в разных районах и разных научных учреждениях бывшего Советского Союза, но и данные для исследования особенностей бытования эпоса «Кыз-Жибек» в наши дни.

Важный материал содержат статьи Б. Г. Ерзаковича, в которых охарактеризовано музыкальное воплощение двух публикуемых в томе эпосов, а также комментарии к их русскому переводу и словарь.

К сожалению, принципы текстологической подготовки в томе специально не оговорены. Некоторые сведения об этом содержатся в разных разделах «Приложения». В «Описании вариантов» эпоса «Козы-Корпеш и Баян-Сулу», например, дается краткая, но емкая характеристика истории публикуемого текста эпоса, впервые зафиксированного в начале XIX века от известного акына и сказителя Жанака Камбарова (1780—1850), от которого его переняли в XIX — начале XX века акыны Сыбанбай, Бекбау, Бесембей. От последнего эпос выучил акын Уаис Шандыбаев (1874—1926), в 20-х годах XX века он передал рукопись этого сказания М. Ауэзову, опубликовавшему ее в 1936 году отдельной книгой. Сама рукопись утеряна.

В настоящем томе печатается с необходимыми уточнениями публикация М. О. Ауэзова, представляющая собой итог творческой интерпретации текста Жанака Камбарова несколькими поколениями акынов Северо-Восточного Казахстана [Там же, 323].

В разделе «Комментарии к переводу «Козы-Корпеш и Баян-Сулу»» читаем: «В тексте перевода замены и добавления по материалам Г. Н. Потанина отмечены угловыми скобками» [Там же, 316].

Анализ отрывков, заключенных в русском переводе в угловые скобки, свидетельствует, что «замены и добавления» весьма многочисленны (всего 120). Среди них — совсем краткие включения типа «<Мой Кулеп уже> не мал», но преобладают вставки от двух до двадцати двух строк, что говорит о том, что опубликован в определенной степени сводный текст, а не вариант одного сказителя.

В разделе «Описание вариантов эпоса «Кыз-Жибек»» говорится, что в томе печатается

тается вариант акына Жусупбека Шейхулисламова, изданный в Казани в 1900 году (его рукопись не обнаружена). Как известно, до 1920-х годов казахская письменность существовала на основе арабской графики, затем — латиницы, и, следовательно, была проведена транслитерация текстов на современную графику, в основе которой — русский алфавит. Однако в томе не указано, кем была проведена транслитерация текстов.

В отличие от первого памятника, в эпосе «Кыз-Жибек» замены и дополнения немногочисленны (их всего 8) и в большинстве случаев носят пояснительный характер («Шелковый бешмет <талию облегает>»; «<И в центре стоянки> стал» и др.), так что в данном случае нет оснований говорить о вмешательстве в сказительский текст.

* * *

Эпосу тюркоязычных народов Южной Сибири посвящены тома алтайского, якутского и хакасского эпосов.

Первым в этой серии был издан алтайский эпос «Маадай-Кара».

Эпос «Маадай-Кара» (1973) был записан от выдающегося рапсода-кайчи XX века Алексея Григорьевича Калкина (1925—1999) замечательным алтайским поэтом, ученым-фольклористом С. С. Суразаковым. Это — единственный том в академической серии, при подготовке которого текст эпоса был зафиксирован на магнитофон специально для данного издания.

При подготовке тома С. С. Суразаковым была осуществлена серьезная исследовательская работа, отраженная в уникальных для эдиционной практики серии разделах. В частности, подробно изложена история записи публикуемого эпоса, во всех деталях охарактеризована не только биография сказителя, исполнившего публикуемый эпос, но и весь его репертуар, паспортизированы все варианты эпоса «Маадай-Кара», записанные от сказителя А. Г. Калкина, а также проанализированы сюжеты некоторых сказаний, сходных с этим памятником [Маадай Кара 1973, 439—450].

Составитель подробно охарактеризовал принципы текстологической подготовки этого эпоса. В распоряжении ученого до осуществления целевой магнитофонной фиксации уже были две записи. Первую из них сделал он сам в 1948 году и издал ее дважды: в несколько сокращенном виде — в 1957 году, затем — в серии «Алтай баатырлар» в 1963 году (оба раза — на

алтайском языке). Вторая запись была произведена в 1951 году сотрудницей терминологической комиссии при Горно-Алтайском облисполкоме в 1961 году П. К. Чақыровой; она зафиксировала эпос как сплошной текст (как прозу) и допустила большое число неточностей в написании слов и нарушении стихотворного строя эпоса. Запись П. К. Чақыровой по этой причине не могла быть положена в основу издания в серии.

Исходя из требований, предъявляемых к томам серии, С. С. Суразаков по поручению сектора фольклора ИМЛИ в феврале 1964 года осуществил третью запись на магнитофон эпоса «Маадай-Кара» в исполнении А. Г. Калкина. Он оставил подробное описание этого процесса, весьма ценное для изучения принципов устного фольклорного исполнительства и проблем, связанных с научной фиксацией изустных сказаний.

После записи сказания на магнитофоне С. С. Суразаков в течение 20 дней переписывал стихи на бумагу. При этом постоянно присутствовал сам сказитель, который повторял невнятно произнесенные при исполнении слова и стихи. Во время этой работы он иногда исправлял отдельные фразы или вставлял упущенные стихи. Объем последней записи составил 7738 стихов, т. е. он значительно больше, чем объем первых двух записей.

С. С. Суразаков в текстологических процедурах следует принципу сохранения аутентичности (теленгетский диалект у народного певца смешан с алтайским): «Поэтому в своей поэтической речи он часто одно и то же слово в одном месте произносит по-теленгетски, в другом — по-алтайски. <...> Публикуя данный текст, мы не стали приводить подобные слова к единому написанию» [Там же, 445].

С. С. Суразаков провел сравнительный анализ сюжетов и мотивов всех трех записей сказания, а также «описаний картин и диалогов».

Конечно, за 30 лет, прошедших со времени выхода в свет тома «Маадай-Кара», творчество А. Г. Калкина было подробно изучено алтайскими фольклористами, большая часть его репертуара записана на магнитофонную пленку, незначительная — на видео. Но характеристика этого рапсода XX века, данная С. С. Суразаковым в томе «Маадай-Кара», останется ценнейшим свидетельством о выдающемся алтайском сказителе.

Во вступительном исследовании И. В. Пухова приведена справка об исторических

судьбах алтайских племен, представлена историография алтайского эпоса, собирание, публикация и изучение которого связаны с именами выдающихся представителей русской востоковедческой школы — В. В. Радлова, В. М. Вербицкого, Г. Н. Потанина, А. В. Анохина, Н. К. Дмитриева и первых алтайских ученых — П. В. Кучияка, С. Каташа и особенно С. С. Суразакова. Специальное внимание уделено характеристике творчества кайчи — хранителей и исполнителей алтайского эпоса, проблеме его генезиса, специфике отражения в нем исторических судеб алтайцев. Подробно описана система персонажей и поэтика их героического эпоса.

Статья Б. М. Шульгина «Об алтайском кае» в основном дополняет описание народных музыкальных инструментов и самого процесса передачи героического эпоса, данное в трудах В. И. Вербицкого и А. В. Анохина.

Представления читателя об алтайском народном искусстве (в том числе и героическом эпосе) обогащают иллюстрации из альбомов этнографических зарисовок алтайского художника Г. И. Чорос-Гуркина и Н. В. Шагаева, на которых воспроизводятся наскальные рисунки или изображены предметы алтайского быта, упоминаемые в эпосе.

* * *

Том «Строптивный Кулун Куллустуур» представляет в академической серии героический эпос якутского народа.

Запись, публикация и изучение якутского эпоса начались в середине XIX столетия и связаны с именами выдающихся знатоков традиционной культуры, языка и фольклора якутов — О. Н. Бетлингга, А. И. Худякова, Э. К. Пекарского, С. В. Ястремского, якутского ученого, общественного деятеля, поэта и профессионального исполнителя олонхо П. А. Ойунского, а также фольклористов Г. У. Эргиса, Н. В. Емельянова. Особо следует выделить работы И. В. Пухова — автора фундаментальных исследований якутского фольклора и литературы (см.: [Пухов 1962; 1971; 1973; 1975]). И. В. Пуховым и был подготовлен том якутского эпоса для издания в академической серии. Смерть И. В. Пухова помешала завершить работу над томом, и на последнем этапе к ней был подключен известный якутский фольклорист Г. У. Эргис.

Во вступительной заметке «От редакции» подробно аргументирована правомерность издания эпоса «Строптивный

Кулун Куллустуур» (1985), записанного в 1906 году от олонхосута И. Г. Тимофеева-Теплоухова этнографом В. Н. Васильевым. Эта запись в 1916 году была опубликована на якутском языке под редакцией Э. К. Пекарского [Образцы 1916]. Перевод памятника на русский язык, выполненный известным исследователем языка и фольклора якутов А. А. Поповым, в свое время не был опубликован и хранился в рукописном фонде Якутского филиала СО АН СССР.

В заметке «От редакции» четко обозначены все этапы подготовки эпоса к изданию: его текст, записанный и изданный при помощи так называемой академической транскрипции на русской графической основе, был транслитерирован на современную якутскую графику Г. У. Эргисом. Им же текст эпоса разделен на стихотворные строки (в издании Пекарского он был напечатан как прозаический, сплошным текстом, хотя олонхо, как правило, представляет собою поэтическое произведение с отдельными прозаическими вставками) и на 30 глав. Таким образом, были четко обозначены основные сюжетные линии памятника.

Весь текст олонхо воспроизводится полностью, только «по предложению редакции Г. У. Эргисом были изъяты из текста натуралистические слова и выражения. Подобные пропуски (независимо от их объема), отмечаются многоточием» [Кулун Куллустуур 1985, 6].

Как видим, в заметке «От редакции» четко обозначено *всякое* вмешательство в эпический текст, допущенное при подготовке его к печати. Важно отметить, что в томе сохранены все подстрочные примечания к якутскому тексту, принадлежащие Э. К. Пекарскому.

В томе воспроизводятся также отрывки из заметок «От собирателя» В. Н. Васильева и «От редакции» Э. К. Пекарского, предпосланных изданию 1916 года. К сожалению, из заметки «От собирателя» исключено описание того, как якутский сказитель при исполнении эпоса учитывает состав своей аудитории, включая в свое исполнение «грубые описания порнографического характера» или исключая их. Из заметки «От редакции» в издании 1916 года, где подробнейшим образом характеризуются принципы подготовки текста к печати, исключены, на первый взгляд, лишь детали передачи тех или иных звуков якутского языка средствами русской академической транскрипции. Но это описание чрезвычайно по-

учительно для современных (и будущих) фольклористов как свидетельство максимально бережного отношения к эпическому тексту.

Особо следует сказать о статье И. В. Пухова и Г. У. Эргиса «Якутские олонхо». Это краткое, но очень емкое по содержанию исследование, в котором охарактеризованы исторические судьбы якутского народа, во многом определившие специфику традиционной культуры, прежде всего фольклора. Наглядно показана история записи, публикации и изучения якутского эпоса, отражение в нем исторических судеб народа, система образов эпических героев (особенно мифологических персонажей, играющих в якутском эпосе важную роль), подробно описано исполнение олонхо. Специальный раздел статьи посвящен характеристике особенностей содержания, композиции, обрисовке основных персонажей и стиля олонхо «Строптивный Кулун Куллустуур».

В статье И. В. Пухова и Г. У. Эргиса неоднократно подчеркивается, что исполнение олонхо «носило синкретический характер. Оно включало декламацию и мелодекламацию, драматическое исполнение разных ролей и, конечно, пение» [Кулун Куллустуур 1985, 554]. Однако в томе, к сожалению, нет статьи, характеризующей музыкальные особенности якутского эпоса.

Существенно дополняют статью И. В. Пухова и Г. У. Эргиса «Примечания к переводу». Они содержат объяснение этнографических и бытовых реалий, мифологических представлений якутов, эпических этнонимов и топонимов, встречающихся в опубликованном олонхо.

Самостоятельный интерес представляет впервые напечатанный в томе отрывок «Из рассказов И. Г. Тимофеева-Теплоухова» о том, как он стал олонхоиситом.

* * *

Хакасский фольклор, в том числе и героический эпос, стал известен миру во второй половине XIX века после издания уже первых томов признанной теперь классической серии публикаций В. В. Радлова «Образцы народной литературы тюркских племен». Том этой серии, посвященный фольклору нескольких этнографических групп хакасского народа — сагайцев, койбалов, качинцев — был опубликован сначала на немецком, затем на языке оригинала [Radloff 1866; Радлов 1868]. Значительное число произведений хакасского фольклора записал и опубликовал первый ученый-хакас, профессор

Казанского университета Н. Ф. Катанов [Катанов 1887].

На протяжении XX века хакасскими фольклористами был зафиксирован значительный материал героического эпоса, из которого для публикации в академической серии был выбран эпос «Алтын-Арыг» — «одно из лучших произведений устного народного поэтического творчества хакасов» [Алтын-Арыг 1988, 5]. Составитель тома В. Е. Майногашева располагала двумя вариантами этого эпоса. Первая, неполная, запись поэмы была осуществлена в 1955 году научным сотрудником Хакасского научно-исследовательского института языка и литературы Г. Танеевой от известного хакасского сказителя С. П. Кадышева. Второй — полный текст сказания — был записан «под диктовку» в 1964 году составителем тома от другого талантливого сказителя — П. В. Куржибекова. В отличие от первой записи вторая никогда не издавалась полностью ни на хакасском языке, ни в русском переводе. Первому двуязычному изданию текста эпоса «Алтын-Арыг», записанного от П. В. Куржибекова, и посвящен хакасский том серии.

Кроме текста сказания на языке оригинала и в русском переводе в томе помещено «Приложение», которое включает примечания к переводу, статью А. К. Стоянова «Искусство хакасских хайджи» и две статьи В. Е. Майногашевой: «Хакасский героический эпос “Алтын-Арыг”» и «О вариантах эпоса “Алтын-Арыг” и его сказителях».

В первой статье В. Е. Майногашевой приводится краткая историческая справка о судьбах хакасского народа, определяется место героического эпоса в фольклоре хакасов, рассказывается о творчестве носителей эпоса — хайджи, в частности, о традиции исполнения ими эпоса. Характеризуются темы хакасских героических поэм и определяется место среди них эпоса об Алтын-Арыг. В статье подробно проанализировано содержание этого памятника, его сюжет, композиция, образы основных персонажей, особенности поэтики.

К сожалению, в первой статье В. Е. Майногашевой не получили адекватной оценки публикации хакасского эпоса, увидевшие свет в XX веке (они только упомянуты в сноске), да и последующие записи хакасских героических сказаний никак с ними не соотносятся. Кроме того, никак не объяснено, как была сделана запись сказания «под диктовку сказителя». Можно подумать, что эпос фиксировался не в процессе его традиционного исполнения

в сопровождении национального музыкального инструмента. В таком случае могли быть утрачены важные составляющие эпического текста.

Во второй статье В. Е. Майногашевой — «О вариантах эпоса “Алтын-Арыг” и его сказителей» — подробно рассказано о жизни и творчестве двух выдающихся хакасских сказителей С. П. Кадышева и С. П. Куржибекова (особенно интересно описание их «учителей», от которых они переняли и репертуар, и манеру исполнения эпоса). Но основное место занимает подробный сравнительно-сопоставительный анализ их вариантов эпоса «Алтын-Арыг». Он позволяет наглядно показать и общее в этих вариантах, и, что особенно важно, специфические особенности каждого из них.

Если В. Е. Майногашева сосредоточила внимание на вербальной стороне хакасского эпоса, то А. К. Стоянов исследует преимущественно его музыкальные особенности. Он подробно характеризует творчество хакасских сказителей — хайджи (прежде всего, мужчин): освоение ими искусства традиционного исполнения эпоса гортанным пением (хаем) в сопровождении народного хакасского инструмента — чатхана, описывает специфический механизм хакасского хая, анализирует два основных его вида — мелодический и речитативный. Особое внимание уделено описанию женского хая, зафиксированного впервые еще в 1894 году, бытующего и в наши дни, хотя для хакасских женщин-сказительниц более традиционно обычное пение эпоса в сопровождении чатхана или его декламация без пения (изредка сопровождаемая наигрышами на чатхане). А. К. Стоянов детально описывает все особенности музыкальной формы хакасского героического эпоса: как метр эпических наигрышей, так и поэтапное в процессе перформанса исполнение каждой смысловой части эпического сказания (вступительная певческая настройка хайджи, размеренное изложение повествования речитативным хаем, иногда прерываемое пересказом уже воспроизведенных эпизодов эпоса). Дополняют статью нотные образцы сказания «Девятилетняя Алып-хан-хыс» по звукозаписи 1965 года от С. П. Кадышева.

В примечаниях к переводу дается аналитическая характеристика эпических этнонимов, топонимов, эпических персонажей, «расшифровываются» поэтические клише, которыми хакасские сказители обозначают многие этнографические и бытовые реалии.

* * *

Эпос тюркоязычных народов Поволжья представлен томом «Башкирский народный эпос» (1977).

Башкирский фольклор привлек внимание русских ученых в начале XIX века; его первыми собирателями и исследователями были известные российские ученые и краеведы Лепехин, В. И. Даль, Г. Н. Потанин, Н. Ф. Катанов и др. Значительный материал башкирского фольклора был собран в 1930—1980-е годы. Произведения башкирского эпоса неоднократно публиковались на языке оригинала [Башкорт халык ижады 1954, Башкорт халык ижады... 1972] и в русском переводе [Акбузат 1972; Урал-Батыр 1975]; им были посвящены исследования башкирских фольклористов А. Н. Киреева, А. И. Харисова, М. М. Сагитова и др.

Таким образом, к началу работы над томом «Башкирский народный эпос» в серии «Эпос народов СССР» башкирскими учеными был накоплен определенный эдиционный и исследовательский опыт, в их распоряжении было значительное число записей эпических текстов.

В башкирском фольклоре представлены как эпические сказания, относящиеся к общему эпическому наследию многих тюркоязычных народов («Алпамыш и Барсынхылу», «Кузыкүрпес и Маянхылу», «Тахир и Зухра», «Бузьегет» и др.), так и самобытные башкирские («Урал-Батыр», «Акбузат», «Заятуляк и Хыухылу», «Ек Мергэн», «Карас и Акша», «Мергэн и Маян-хылу», «Таргын и Кужак», «Кара Юрга», «Конгур Буга», «Акхак Кола» и др.).

Составители тома выбрали для издания в академической серии шесть наиболее самобытных и по сей день популярных сказаний: «Урал-Батыр», «Акбузат», «Заятуляк и Хыухылу», «Акхак Кола», «Кара Юрга», «Конгур Буга», записанных на протяжении 60 лет начиная с 1910 года. Следует особо отметить, что одно сказание — «Кара-Юрга» — представлено двумя разновременными записями, сделанными с перерывом в 50 лет.

Во вступительной статье А. С. Мирбадалевой представлена история записи, публикаций и изучения башкирского эпоса и дана характеристика эпических памятников, вошедших в том.

Тщательно подготовлен научный аппарат. Раздел «Сведения о вариантах» содержит исчерпывающие данные о каждом публикуемом тексте: место, где хранится оригинал записи (или его копия), время и место фиксации сказания, данные об исполнителе и о записавшем (если они

сохранились), сведения о предыдущих публикациях, а также перечень неопубликованных записей, хранящихся в архиве Башкирского филиала АН СССР, в фольклорном фонде Института истории языка и литературы Башкирского филиала АН СССР и в архиве кафедры башкирской литературы Башкирского государственного университета.

Таким образом, читатель тома имеет возможность составить полное представление о «географии» распространения того или иного сказания, о сохранении его в народной памяти на протяжении XX века, о форме его бытования (стихотворная, прозаическая, смешанная), объеме и т. д.

Самостоятельное значение имеет статья М. М. Сагитова «Башкирские сказители и их эпический репертуар». Исследователь провел огромную работу по выявлению и сбору сведений о выдающихся сээнах — башкирских народных сказителях, живших в XIX — начале XX века, М. М. Сагитов характеризует место и роль народных певцов — творцов и хранителей башкирского эпоса — в общественной жизни. Особенно подробно рассказано о жизни и творчестве народного сээна (а этого звания удостоивались только лучшие исполнители фольклорных произведений) М. Бурангулова (1888—1966), много сделавшего для записи башкирского фольклора, С. Мухаметкулова (1890—1934), а также сээнов-женщин, которые и в наши дни прекрасно исполняют произведения башкирского фольклора.

М. М. Сагитов описывает традицию передачи сказительского мастерства и репертуара от сказителя к сказителю не только в устной форме, но и в рукописях. Исследователь выявляет различия эпических памятников, существующих в устной и рукописной форме и разное восприятие их народом.

М. М. Сагитов анализирует стихосложение башкирского эпоса, тексты которого имеют, как правило, смешанную стихотворно-прозаическую форму, и обусловленную этим манеру исполнения сказаний.

В статье Л. Атановой на основе фотоматериалов фольклорных экспедиций Института истории языка и литературы Башкирского филиала АН СССР дается характеристика музыкально-эпических формул (они сохранились до наших дней в небольшом числе), на которые исполнялись стихотворные строфы эпических сказаний, и приводятся образцы нотных записей эпических напевов эпоса «Заятуляк», «Заятуляк и Хыухылу», «Акхак

Кола» (3 образца) «Кара-Юрга» (3 образца), «Конгур Буга». Раздел «Сведения о публикуемых нотных записях» существенно дополняет представления читателя о бытовании напевов в разных районах проживания башкир.

В словаре объясняются исторические, этнографические, фольклорные термины и понятия, топонимы и этнонимы, встречающиеся в публикуемых эпических памятниках.

К сожалению, в томе никак не сформулированы принципы текстологического анализа публикуемых текстов эпоса — вероятно, он не проводился при подготовке тома к изданию в академической серии.

Такое исследование было проведено 20 лет спустя после выхода в свет башкирского тома академической серии. В 1998 году в ИМЛИ РАН была защищена выполненная под руководством В. М. Гацака кандидатская диссертация Ш. Р. Шакуровой [Шакурова 1998]. В работе проведен всесторонний текстологический анализ не только архивного первоисточника текста эпоса «Урал-Батыр» — машинописи, правленной М. Бурангуловым, но и личного фонда этого известного башкирского знатока и собирателя эпоса, а также архивных материалов подготовки памятника к публикации на языке оригинала в 1968 и 1972 годах, в томе «Башкирский народный эпос» в серии «Эпос народов СССР» и других его изданиях.

Ш. Р. Шакурова обнаружила существенные коррективы в тексте сказания «Урал-Батыр», что позволило ей сделать обоснованный вывод: «Нарушение эдических принципов не могло не сказаться на понимании значимости памятника и реальном изучении эпического творчества башкир». В результате «олитературивания» во всех изданиях текста наблюдается обеднение, принижение поэтики, образности языка и стиля памятника, что приводит к унификации словарного состава, выпадению архаических форм, выражений, произношения. Нарушается ритмический строй, рифма и семантика текста. «Олитературивание» языка и стиля путем различного рода изменений народного произведения вело к «омолаживанию» текста: уже трудно, а иногда практически невозможно проследить архаику, общие места, типологические различия, созвучия, характерные для тюрко-монгольской эпической традиции. Исследования эпоса «Урал-Батыр» в результате многочисленных искажений оригинала подчас содержали неверные выводы филологического и исторического характера» [Шакурова 1998а, 219].

Ш. Р. Шакурова совершенно справедливо объясняет «подобного рода исправления», вносившиеся в текст эпоса, «общим состоянием идеологизации науки того периода. Вторжения в текст “Урал-Батыра” действительно могли носить и превентивно-охранительный характер в связи с печально известными постановлениями по ряду тюркоязычных и других эпических памятников». Трагичной была судьба одаренного башкирского народного певца-сэсэнэ и собирателя башкирского эпоса М. Бурангулова, который «за свою жизнь 5 раз лишился свободы, 6 лет провел в лагерях, был реабилитирован в 1959 г.» [Шакуров 1996]. Но именно благодаря этому человеку до наших дней сохранился текст башкирского эпоса об Урал-Батыре.

По нашему мнению, обо все этом надлежало бы сказать в томе «Башкирский народный эпос».

*Окончание статьи А. И. Алиевой
читайте в следующем номере альманаха.*

Литература

Акбузат 1972 — Акбузат. Башкирский народный героический эпос / пер. И. Кычакова и Т. Шафикова. Уфа, 1972.

Алтын-Арыг 1988 — Алтын-Арыг. Хакасский героический эпос / запись и подгот. текста, статья, пер. и коммент. В. Е. Майногашевой, отв. ред. Н. В. Кидайш-Покровская. Научный консультант Н. А. Баскаков. М., 1988.

Башкорт халык ижады 1954 — Башкорт халык ижады. Өфө, 1954. Т. I.

Башкорт халык ижады 1972 — Башкорт халык ижады. Эпос. Исү китап. Өфө, 1972.

Берков 1963 — Берков П. Проблемы современной текстологии // Вопросы литературы. 1963. № 12.

Ботояров 1982 — Ботояров К. Английское издание эпоса «Манас» (Текстологические аспекты) // Фольклор. Поэтика и традиция. М., 1982.

Вопросы... 1959 — Вопросы изучения эпоса народов СССР (Методические указания). М., 1959.

Гёроглы 1958 — Гёроглы. Ашгабат, 1958.

Жирмунский 1959 — Жирмунский В. М. Вопросы генезиса и истории эпического сказания об Алпамыше // Об эпосе «Алпамыш». Материалы по обсуждению эпоса «Алпамыш». Ташкент, 1959.

Жирмунский 1960 — Жирмунский В. М. Сказание об Алпамыше и богатырская сказка. М., 1960.

Жирмунский, Зарифов 1947 — Жирмунский В. М., Зарифов Х. Т. Узбекский народный героический эпос. М., 1947.

Каррыев 1983 — Каррыев Б. А. Туркменский героический эпос «Гёр-оглы» // Гёр-оглы, 1983.

Катанов 1887 — Катанов Н. Ф. Сказания и легенды Минусинских татар // Сибирский сборник. СПб., 1887.

Козы Корпеш ... 2003 — Козы Корпеш и Баян Сулу. Казахский романический эпос / отв. ред. тома С. С. Кирабаев, Е. А. Поцелуевский; подгот. текста М. Г. Гумаровой, С. А. Каскабасова; пер., коммент, словарь С. А. Каскабасова, Н. С. Смирновой; описание вариантов М. Г. Гумаровой, Н. С. Смирновой; статьи З. А. Ахметова, Б. Г. Ерзаковича, С. А. Каскабасова. М., 2003.

Конференция «Манас» 1952 — Об итогах научной конференции, посвященной эпосу «Манас», и о мерах помощи Институту языка, литературы и истории Киргизского филиала АН СССР // Вестник АН СССР. 1952. № 10. Октябрь.

Короглы 1972 — Короглы Х. Г. Туркменская литература. М., 1972.

Короглы 1977 — Короглы Х. Г. Текстологическая характеристика публикаций эпоса «Героглы» и «Гуруглы» // Фольклор. Издание эпоса. М., 1977.

Короглы 1983 — Короглы Х. Г. Взаимосвязи эпоса народов Средней Азии, Ирана и Азербайджана. М., 1983.

Кулун Куллустуур 1985 — Строптивный Кулун Куллустуур. Якутское олонхо / сказитель И. Г. Тимофеев-Теплоухов; запись В. Н. Васильева; подгот. текста Э. К. Пекарского, Г. У. Эргиса; пер. А. А. Попова и И. В. Пухова; вступ. ст. И. В. Пухова и Г. У. Эргиса; отв. ред. А. С. Мирбадалева. М., 1985.

Лихачев 1962 — Лихачев Д. С. Текстология. На материале русской литературы X—XVII вв. М., Л., 1962.

Лихачев 1964 — Лихачев Д. С. Текстология. Краткий очерк. М., 1964.

Маадай-Кара 1973 — Маадай-Кара. Алтайский героический эпос / запись текста, пер. на рус. язык и приложения С. С. Суразакова; подгот. тома и вступ. ст. И. В. Пухова, отв. ред. Н. А. Баскаков. М., 1973.

Манас 1984—1995 — Манас. Киргизский героический эпос. В 4 кн. Кн. 1.: редкол. тома: А. С. Садыков, С. М. Мусаев, А. С. Мирбадалева (отв. ред.); сост. и подгот. текста — Б. М. Юнусалиев, С. М. Мусаев, К. К. Кырбашев; пер. А. С. Мирбадалевой, Н. В. Кидайш-Покровской, С. М. Мусаева. М. 1984; Кн. 2.: подгот. текста: Б. М. Юнусалиев, С. Мусаев, К. Кырбашев, Ж. Мусаева, Р. Сарыпбеков, О. Сооронов; пер. и коммент. А. С. Мирбадалевой и Н. В. Покровской; редкол.: А. С. Садыков, С. М. Мусаев, А. С. Мирбадалева (отв. ред.). М., 1988; Кн. 3.: редкол.: А. С. Садыков, С. М. Мусаев, пер. и коммент. А. С. Мирбадалевой, Н. В. Покровской. М., 1990; Кн. 4.: редкол.: А. А. Акматалиев,

А. С. Мирбадалева (отв. ред.), С. М. Мусаев; сост. и подгот. текста Б. М. Юнусалиева, С. М. Мусаева, Э. А. Абдылдаева; пер. А. С. Мирбадалевой, Н. В. Кидайш-Покровской; коммент. и пояснит. словарь А. С. Мирбадалевой, Н. В. Кидайш-Покровской. М., 1995.

Мирзаев 1986 — *Мирзаев Т.* Искусство узбекских народных сказителей и особенности их эпического репертуара. АКД. Ташкент, 1986.

Мусаев 1977 — *Мусаев С. М.* Проблемы научной публикации текстов «Манаса» // Фольклор: Издание эпоса. М., 1977.

Нартский эпос 1957 — Нартский эпос. Материалы совещания 19—20 октября 1956 г. / редакция: В. И. Абаев, Г. З. Калоев, В. И. Чичеров. Орджоникидзе, 1957.

Основные принципы 1958 — Об основных принципах собирания и научной публикации эпоса народов СССР. Тезисы к совещанию, созываемому 20 ноября 1958 г. в ИМЛИ для выработки единой инструкции по данному вопросу. М., 1958.

Основы текстологии 1962 — Основы текстологии / под ред. В. С. Нечаевой // Редактор и книга. М., 1962. Вып. III.

Петросян 1958 — *Петросян А. А.* Изучение проблем национальной литературы и фольклора народов СССР // Известия АН СССР. ОЛЯ. М., 1958. Т. XVIII. Вып. 2.

Поцелуевский 1935 — *Поцелуевский А. П.* Фольклорный архив Туркменского гос. научно-исследовательского института (ТГНИИ) // Советский фольклор. № 2—3. М.; Л., 1935.

Пропп 1956 — *Пропп В. Я.* Текстологическое редактирование записей фольклора // Русский фольклор. № 1. М.; Л., 1956.

Прохоров 1965 — *Прохоров Е.* Предмет, метод и объем текстологии как науки // Русская литература. 1965. № 3.

Путилов 1961 — *Путилов Б. Н.* Текстологические заметки к песням разинского цикла // Русская народная поэзия (Фольклористические записки Горьк. гос. ун-та им. Н. И. Лобачевского). 1961. № 1.

Путилов 1963 — *Путилов Б. Н.* Современная фольклористика и проблемы текстологии // Русская литература. 1963. № 4.

Пухов 1962 — *Пухов И. В.* Якутский героический эпос олонхо. Основные образы. М., 1962.

Пухов 1971 — *Пухов И. В.* К вопросу о генетической общности якутского героического эпоса олонхо с эпосом других народов Сибири // Национальное и интернациональное в литературе, фольклоре и языке. Кишинев, 1971.

Пухов 1973 — *Пухов И. В.* Сказка ли олонхо? (О жанре якутских олонхо) // Специфика фольклорных жанров. М., 1973.

Пухов 1975 — *Пухов И. В.* Героический эпос тюрко-монгольских народов Сибири. Общность, сходства и различия // Типология народного эпоса. М., 1975.

Радлов 1868 — *Радлов В. В.* Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Дзунгарской степи. Ч. 2. Поднаречия абаканские (сагайское, кайбалское, качинское), кызылское и чulyмское (кюэрик). СПб., 1868.

Радлов 1870 — *Радлов В. В.* Образцы народной литературы тюркских племен. Т. III. СПб., 1870.

Рустамхан 1972 — Рустамхан. Узбекский героико-романический эпос / сост. тома, авт. исслед. и коммент. Н. В. Кидайш-Покровская; отв. ред. А. С. Мирбадалева; пер. Н. В. Кидайш-Покровской и А. С. Мирбадалевой; узбекский текст записал и подготовил к печати Х. Т. Зарифов. М., 1972.

Туркменский эпос 1971 — Хурлукга и Хемра. Салт и Хемра. Туркменский романический эпос / сост. тома, авт. исслед. и коммент. А. С. Мирбадалева; отв. ред. Н. В. Кидайш-Покровская; пер. А. С. Мирбадалевой и Н. В. Кидайш-Покровской; туркменские тексты подготовлены к печати А. Дурдыевой и Б. Мамедязовым. М., 1971.

Урал-батыр 1975 — Урал-Батыр. Башкирский народный эпос // Героический эпос народов СССР. М., 1975. Т. I. С. 67—115.

Успенский, Беляев 1928—1936 — *Успенский В., Беляев В.* Туркменская музыка. В 2 кн. М., 1928—1936; 2-е изд.: Ашхабад, 1979.

Чистов 1963 — *Чистов К. В.* Современные проблемы текстологии русского фольклора. Доклад на заседании Эдиционно-текстологической комиссии V международного съезда славистов. М., 1963.

Чичеров 1958 — *Чичеров В. И.* Вопросы изучения эпоса народов СССР // Известия АН СССР. ОЛЯ. Январь — февраль. 1958. Т. XXIII. Вып. I.

Шакуров 1996 — *Шакуров Р. З.* Бурангулов Мухаметша // Башкортостан. Краткая энциклопедия. Уфа, 1996.

Шакурова 1998 — *Шакурова Ш. Р.* Текстология башкирского народного эпоса «Урал-Батыр» (проблема базового научного текста). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1998.

Шакурова 1998а — *Шакурова Ш. Р.* К текстологии башкирского эпоса «Урал-Батыр» // Фольклор. Комплексная текстология. М., 1998. С. 212—221.

Юнусалиев 1961 — *Юнусалиев Б. М.* Об опыте создания сводного варианта эпоса «Манас» // Вопросы изучения эпоса народов СССР. Киргизский героический эпос «Манас». М., 1961.

Gerogly 1941 — *Gerogly.* Turkmen halk epos. Aşgabat, 1941.

Radloff 1866 — *Proben der Volksliteratur der Turkischen Stamme Sud-Sibiriens, gesammelt und ubersetzt von Dr. V. Radloff. / Vorwort A. Schiefners. St.-Pbg., 1866. Т. 1.*